

русская шельма —
— парит —
— 28 января — 3 февраля 1999 — 17

ВОЧНЫМ ЗАЛАМ

«Налет старины»

Лариса Погорецкая,
художник-модельер из Петербурга,
представила недавно
свою новую коллекцию «Эмиграция»

Фото Анатолия Бисинбаева

Ощущение утраченной красоты, следы которой еще встречаются где-то в дальних углах антресолей петербургских квартир, в антикварных лавках, все-таки не исчезает из этого города. Более того, чем он запущеннее и обшарпаннее, тем острее чувствуется ее присутствие в прошлом.

«Они (вещи) приплывали совершенно случайно, в разное время с разных сторон», — рассказывает Лариса, употребляя именно эти слова — «приплыли», «всплывали», — словно речь шла о реке времен, реке жизни... Старый немецкий чемодан, который дали друзья в Берлине. Старинная испанская шаль. Потертый футляр от скрипки. Выброшенный кем-то стул начала века. Художник Александр Герасимов подарил деревянный футляр ручной швейной машинки, который он расписал кораблями и летящими ангелами.

Эти второстепенные и случайные на первый взгляд предметы оживали: в каждом была своя тайна и свой смысл. Лариса училась в Мухинском училище. Здание училища барона Штиглица строилось специально для художников, и сама его атмосфера должна была воспитывать вкус. За годы советской власти исчезли куда-то роскошные шпалеры, все ободрали, растащили, но атмосфера прошлого (которая, кстати, диктовала и манеру одеваться) осталась: обшарпанные стены, итальянский дворик, лестницы, расписанные осыпающиеся плафоны...

Ее модели современны — новейшие ткани, современная технология, — но по силуэтам и настроению они напоминают стилистику модерна начала века. Длинные рединготы, плащи. Тягучие линии, пластичные натуральные ткани. Их фактура живописна: словно тронутый пылью бархат, тяжелый, будто помятый «старый» шелк, легкий лионский шифон. Шанжан, который «ловит» цвет и меняет оттенки при движении, чуть грубоватая, фактурная чинчиля (звучит почти как «шинель» — символ ухода из дома)... «Ощущение помятости, налет старины составляют художественный образ, потому что у поношенной вещи есть душа». Не случайно в коллекцию «пробрались» и подлинные старые вещи: кружева из антикварной лавки, черная шляпка 20-х годов...

Художница не вполне серьезно изображает барышню начала века: в работах есть доля иронии и некоторой небрежности.

Лариса предпочитает цвета натуральные: «Цвет зависит от среды, от ее состояний: черный может быть дымчатым, голубо-синим или холодных оттенков». Чтобы «приглушить» простовато-малиновый лионский шифон, она набрасывает сверху дымку черного, позволяя появиться только самому краешку малинового, да и то, когда ему самому вздумается — при движении, при легчайшем дуновении...

Лариса скоро едет в Мюнхен. Владелец крупнейшего модного магазина, в котором продаются вещи лучших модельеров — таких, как Версаче и Валентино, — увидел работы Погорецкой на одной из выставок в Германии и заказал для своей невесты свадебное платье и редингот. Он платит за билеты из Петербурга до Мюнхена, чтобы она сделала очередную примерку наряда, который должен быть готов к весне. Расспрашивает, как у Ларисы идут дела дома, — она рассказывает, с каким трудом ей и ее мужу, дизайнеру и фотографу Анатолию Бисинбаеву, удалось шесть лет назад открыть свою дизайн-студию. Тот удивляется: как, у вас нет своего бутика на Невском?! Но ведь все так просто: возьмите кредит в банке и открывайте, не прогадаете! Она не смогла объяснить, почему это невозможно. А про старый стул и про старинный скрипичный футляр — символ спрятанной красоты — ее никто и не спрашивал...

ИЛЬМИРА СТЕПАНОВА

Санкт-Петербург